

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 182–189

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 182–189

Научная статья

УДК 32+303

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-182-189>

«Плохая/хорошая политика» как политологический концепт

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Публикация содержит предложения автора по использованию понятий «хорошая политика» и «плохая политика» в качестве теоретических инструментов политического исследования. Обоснована целесообразность надления этих понятий смыслом, позволяющим политологу решать прикладные и теоретические задачи, в частности, изучать и интерпретировать ситуации конфликта двух оснований либерально-демократического процесса. С одной стороны, его формальной организации, вселяющей в его участников веру в свои почти безграничные возможности решать актуальные для них политические проблемы с использованием демократических институтов и технологий, с другой – осознания участниками политики проблематичности своих шансов воспользоваться этими институтами и технологиями для достижения личной и общественной пользы. Методологический потенциал понятий «хорошая политика» и «плохая политика» в статье раскрыт на примере решения двух конкретных задач. Во-первых, это выявление источника способности либерально-демократической политики быть олицетворением прогресса современной цивилизации, в минимальной степени меняясь институционально и функционально. Во-вторых, это определение уровня легитимности либерально-демократической политики без использования в ее политологическом исследовании экономического понятия «эффективность».

Ключевые слова: метод политического исследования, гражданское сознание, либерально-демократическая политика

Для цитирования: Шестов Н. И. «Плохая/хорошая политика» как политологический концепт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 182–189. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-182-189>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-182-189>

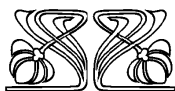
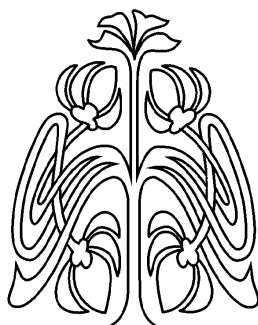
“Bad/good politics” as a concept of political science

N. I. Shestov

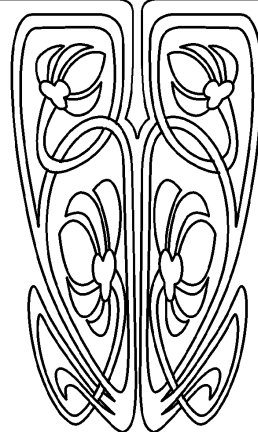
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. The article contains the author's suggestions how to use terms “good politics” and “bad politics” as theoretical tools of political study. The author provides rationale for assigning a meaning to these terms allowing political scientists to tackle applied and theoretical tasks – to explore and interpret conflict situations between two bases of liberal and democratic process, in particular, i.e., on the one hand, its formal structure invigorating the process' participants to address political challenges with the help of democratic institutions and technologies, and, on the other

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

hand, political actors' understanding that their chances to use these institutions and technologies in order to gain personal and public profit are rather low. Methodological potential of "good politics" and "bad politics" terms is explained on the example of solving two issues. The first one is revealing the source of liberal politics' ability to embody the progress of modern civilization without significant institutional and functional changes. The second one implies defining the level of legitimacy of liberal and democratic politics without using economic term "efficacy" within its political study.

Keywords: method of political research, civic conscience, liberal and democratic politics

For citation: Shestov N. I. "Bad/good politics" as a concept of political science. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 182–189 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-182-189>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Существует ряд проблем, которые жизнь современных обществ и государств поставила перед политической наукой и решение которых требует более тонкой настройки ее нынешнего теоретического инструментария, в том числе в части тех теоретических понятий, посредством которых наука формирует основные ракурсы изучения политики. Одна из таких проблем – заметно растущее в современном мире, даже в наиболее благополучных странах, неприязненное отношение граждан к либерально-демократическим условиям своего политического существования¹.

Со времени окончания Второй мировой войны и до наших дней основные институты и правовые каноны либерально-демократической политики не претерпели существенного структурного и функционального изменения. Последние десятилетия принесли с собой заметные изменения в ценностных основаниях и мотивационной сфере этой политики. В странах, традиционно считающих себя оплотом либеральной демократии, возник конфликт, с одной стороны, способов, форм и порядка осуществления этой политики, привычных гражданам и элитам, с другой стороны, с тем, как непривычно для многих из них, а часто и неприемлемо по идеологическим и моральным соображениям, ссылками на «мультикультурализм», «общечеловеческие ценности» и «толерантность» стала мотивироваться на официальном уровне необходимость их участия в этой политике.

В другом измерении, но та же, в сущности, проблема свойственна и нынешней российской политике. Ее либерально-демократический институциональный и правовой дизайн вполне каноничен. Тогда как либеральные ценности и факт относительно длительного (уже более трех десятков лет) функционирования демократических институтов для сознания все большего числа граждан и представителей элиты не являются уже достаточным аргументом в пользу их уверенности в своем и страны светлом будущем. В российских политических коммуникациях сегодня отчетливо обнаруживает себя конфликт либеральных и консервативных дискурсов.

Для изучения этого нового тренда в демократическом процессе и определения тех состояний, от которых и к которым он движется, представляется целесообразным, наряду с при-

вычными для отечественных политологов понятиями «авторитарная политика», «демократическая политика», «либеральная политика» и т. д., включить в структуру научного дискурса понятия «хорошая политика» и «плохая политика». Использовать их именно как понятия научные, с конкретным смыслом, обеспечивающим решение конкретных проблем, стоящих сегодня перед политической наукой. В настоящей публикации изложены аргументы в пользу такого расширения теоретического инструментария политической науки.

Понятия, созвучные понятиям «хорошая политика» и «плохая политика», можно обнаружить в дискурсах видных представителей европейской политической и правовой мысли Нового времени. Они в своих ученых трактатах охотно рассуждали о «хорошем/добром правлении» и «плохом/дурном правлении»². Политические условия Нового времени располагали к тому, чтобы отождествлять «правление» конкретного лица или группы лиц с «политикой» как таковой. Этим приемом отождествления всей «политики» с «правлением» и сегодня успешно пользуются отечественные публицисты, когда им необходимо акцентировать внимание читателя на связи свойств политического процесса с личными качествами тех людей, которые в этом процессе занимают лидерское положение. Политологи-исследователи сегодня понятие «правление» употребляют относительно редко, предпочитая ему понятие «власть».

Эти обстоятельства позволяют не ставить ныне смысл понятий «хорошая политика» и «плохая политика» в прямую зависимость от традиции политической мысли прошлых столетий, а действовать целесообразно как в определении смысла этих понятий, так и в их употреблении в политическом исследовании для решения конкретных научных задач.

Если руководствоваться таким подходом, то в современном политическом исследовании понятием «хорошая политика» можно было бы назвать тот порядок способов и результатов решения общественно значимых задач, в котором сознание участников политики находит подтверждение своей уверенности, что политика (потенциально, как универсальная практика мобилизации всех ресурсов на решение ключевой задачи) «может сделать все», в чем заинтересо-

ваны ее субъекты. В «плохой политике», соответственно, сознание ее участников не находит подтверждения своей уверенности в ее неограниченных возможностях.

«Плохая политика» для конкретного ее субъекта (будь то отдельный гражданин, или ассоциация граждан, или социальная группа) – это политика, средствами которой решаются «чьи-то» проблемы, реализуются «чьи-то» интересы вместо того, чтобы решались «мои» проблемы. Тогда как смысл «моего» участия в политике состоит в ином – как раз в том, чтобы обеспечивать таким участием решение именно «моих» проблем и реализацию «моих» интересов. Без выполнения этого условия «мое» участие в политике лишено позитивного смысла. Это будет участие гражданина и социальной группы в «не моей» политике, и оно чаще всего будет требовать принудительных мер к такому участию. В политике ее участники ищут для себя ту же ощутимую пользу, соображениями которой мотивировано их участие в других практиках, экономических, правовых, культурных. В политике встречаются, конечно, альтруисты, но не часто.

Политика всегда есть дело более-менее коллективное. Поэтому оценка «хорошо» либо оценка «плохо», выставленная ей сознанием отдельного участника, нуждается в одобрении и поддержке со стороны других ее субъектов. Смысл публично озвучивать такую оценку состоит как раз в том, чтобы наладить коммуникацию между субъектами политики и дать им возможность самоопределиваться в пространстве конкуренции интересов и ценностей среди «своих» и «противников». По этой причине в дискурсах публичных коммуникаций «хорошая политика» – это в абсолютном большинстве случаев политика, «отвечающая нашим интересам».

«Плохая политика» в дискурсах ее критиков, напротив, обычно «неразумна» и «несправедлива», «затратна» и «непродуманна», «античеловечна» и «антинародна», «неоправданно рискованна» и даже «преступна» и т. д. В подборе жестких эпитетов к «плохой» политике сознание людей, разочаровавшихся в ней, проявляет, заметим, значительно больше творчества, чем в вопросе эмоциональной оценки «хорошей» политики. Ругают политику ее участники, чьих ожиданий она не оправдала, гораздо активнее и изобретательнее, чем ее хвалят.

Оценки «хорошо» и «плохо» сознание людей выставляет не самим по себе институтам и практикам, на которых основана политика, не тому, как эти институты и практики организованы и функционируют. Для России за три последних десятилетия либерально-демократическая политика уже стала своего рода политической традицией. В ее условиях живут уже три поколения российских граждан. Тем более она традиционна для большинства европейских стран. Ее институты и практики стали привыч-

ными и более-менее единообразно организованными, стали ключевым атрибутом «цивилизованности» тех народов, которые добились преимуществ перед другими народами в своем экономическом развитии. Без этого единообразия невозможным было бы появление на свет Евросоюза.

Эта связь стабильности либерально-демократических институтов и практик с успехами рыночной экономики и с перспективой дальнейшего прироста благосостояния так называемых «обществ потребления» сегодня достаточно очевидна. В свете этих обстоятельств для сознания гражданских обществ и демократических властных элит критика институционального дизайна современной либерально-демократической политики не обладает сегодня уже той актуальностью, какой она обладала, например, еще в первой половине минувшего XX столетия, особенно в промежутке между двумя мировыми войнами и в период «холодной войны»³.

Для современных демократических обществ и элит, включая российские, не утратил своей актуальности другой ракурс критики либерально-демократической политики. Он является актуальным и наверняка еще долго будет оставаться таковым ввиду распространенности в современном мире представления о либеральной демократии как оптимальном порядке организации, институционального и правового оформления политического процесса. Это критика либерально-демократической политики с точки зрения психологического климата и стиля коммуникаций своих субъектов, который она формирует в гражданском обществе и во властной элите. С точки зрения того, насколько при наличных организационных возможностях участие в ней комфортно для ее субъектов, настраивает их на конструктивный лад во взаимодействии друг с другом.

О том, насколько самочувствие субъектов политики, их представление о естественности и полезности либо неестественности и бесполезности своей включенности в политический процесс важнее для них того, как формально этот процесс организован, можно судить по заметному в последние годы приросту протестных настроений и протестной активности граждан (в том числе в европейских странах, считающих себя оплотом мировой цивилизации и демократии), вполне лояльных базовым институтам и практикам либерально-демократической политики. Конфликты граждан и властей на почве просчетов в коммуникациях на тему миграционного кризиса в странах Евросоюза и выбора средств борьбы с пандемией коронавируса стали дополнительным стимулом для размышлений граждан о комфортности и смысле своего присутствия в пространстве политики, а также для более болезненного и агрессивного реагирования на, казалось бы, малозначительные ошибки политиков в общении с ними⁴.

В России, не так быстро, как в Европе, но тоже постепенно становится все больше граждан, по-прежнему лояльных идеалу либеральной демократии и институтам либеральной политики, но не уверенных в своей возможности извлечь из этой приверженности этому идеалу и участия в работе упомянутых институтов конкретную пользу для себя и окружающих, не уверенных в возможности быть удовлетворенными результатами своего участия⁵. Меньшая часть таких граждан, ощущающих внутренний дискомфорт от соприкосновения с российской политикой и даже просто наблюдения за ней со стороны, включается в протестные движения, тогда как большая часть становится политическими абсентеистами, что вовсе не способствует прогрессу российской демократии,

Оценки «хорошо» и «плохо» в дискурсах субъектов либерально-демократической политики характеризуют их, этих субъектов, самочувствие, их ощущение полезности для себя, для общества и государства, а также комфортности и безопасности участия в этой политике. Это, можно сказать иначе, характеристики полноты их удовлетворенности либо недовольства тем, в какой мере им удалось реализовать возможности, формально закрепленные за ними как гражданами и объединениями граждан для продвижения в политику своих интересов. Либеральная политика для своих участников «хороша» вне зависимости от своей формальной организации тогда, когда ее правила понятны, ресурсные вложения в нее имеют свое объяснение, роли участников прописаны, а результат предсказуем.

По этой причине в массовом сознании большинства гражданских обществ, как прежде, так и теперь, «хорошей» альтернативой либеральной политике, как только в ней появляются какие-либо новации, выводящие отношения общества и власти из состояния комфорта и она начинает «плохеть», чаще всего выступает образ «старой и доброй» консервативной политики. Либо это может быть образ той же, по формальным основаниям, демократической политики, но «долиберальной», образ советской демократии, например, прочно прижившийся в сознании уже новых, молодых поколений российских граждан. Образ, идеализированный массовым сознанием, подразумевающий возврат политических коммуникаций в то состояние, к которому их участники, как им кажется, могли бы быстрее и лучше адаптироваться, чем к своим нынешним условиям политического участия, а потому могли бы легче и продуктивнее решать свои политические и неполитические задачи. В «хорошей» либерально-демократической политике ничто и никто (властные элиты, в первую очередь, своей управленческой и нормотворческой активностью, направленной на реализацию своих элитарных интересов) не должны создавать ус-

ловия, при которых у субъектов политики могут возникнуть сомнения в том, что их присутствие в политике что-то меняет, желательно в лучшую сторону.

Самая, с формальной точки зрения, наиболее либеральная и наидемократичнейшая политика, имеющая «классический» набор институтов и технологий для взаимодействия своих субъектов, может в одночасье в глазах своих искренних приверженцев из «хорошей» превратиться в «плохую». Не потому, что она стала другой по своей форме и содержанию, а потому, что они, в силу тех или иных обстоятельств, перестали находить удовлетворение в том своем участии в ней, которое прежде считали для себя естественным, целесообразным и комфортным.

«Плохой» в их глазах политика стала не потому, что в ней произошли какие-то структурные и функциональные изменения или же вдруг как-то иначе стали работать ее механизмы. Напротив, сама устойчивость работы механизмов политики, настойчивость элиты в сохранении прежнего режима их функционирования либо в его усовершенствовании становится для сознания участников политики своеобразным раздражителем. Это сигнал (особенно значимый для них в условиях быстрой смены набора внутриполитических и внешнеполитических задач), что данная либерально-демократическая властная элита готова притормозить политические коммуникации в том их текущем и выгодном ей состоянии, из которого она и далее неограниченно долго намеревается извлекать для себя выгоду.

Особенно «плохой» либерально-демократическая политика в глазах большого числа рядовых граждан становится тогда, когда у них возникают подозрения, а в средствах массовой информации они находят многочисленные тому подтверждения, что в самой властной элите возникло разное отношение к текущей политике. Что появились те государственные и общественные деятели, которые готовы публично доказывать всем и везде, что пока существует то отношение элиты к своим согражданам и отношение граждан к своей элите, которое иначе как «плохим» не назовешь, никакой «реальной» демократии нет и не будет, даже при наличии полного комплекта демократических институтов, соответствующих правовых инструментов и коммуникативных практик.

Понятия «хорошая политика» и «плохая политика», используемые политологом в качестве индикаторов для выявления различий в субъективном отношении участников политики к своему положению в ней, создают новые возможности для решения некоторых задач, имеющих теоретический интерес для самой политической науки. Имеющих в то же время большое значение для дела поддержания у участников демократических практик доверия к ним и понимания важности участия в таких практиках даже в тех

случаях, когда субъективно такое участие представляется людям нецелесообразным, затратным и рискованным.

Политологу можно с учетом этого создать такую модель работы и движения вперед либерально-демократического политического процесса, которая наглядно показывала бы, за счет чего политический процесс движется вперед тогда, когда критичный потенциал конфликтности в нем не накоплен, абсолютное большинство субъектов политики вполне лояльно ее действующим институтам и правовым нормам. То есть никто не собирается ничего, по сути, в этом процессе менять, но при этом настойчиво требует признания всеми субъектами политики своего плохого самочувствия в ней, всеобщего недостаточного внимания к своим специфическим интересам, своей невозможности нормально в ней участвовать и приносить этим участием пользу как обществу, так и государству. Так, как это делают сегодня в США сторонники экс-президента Д. Трампа, участники массовых протестных движений против расизма и в защиту эксклюзивных гражданских прав всевозможных «меньшинств»⁶. Так, как этого требуют участники российских гражданских протестных акций, по мнению которых, российская демократия всем хороша, в ней есть все необходимое для быстрого прогресса либеральной политики в нашей стране, но недостает «западной» цивилизованности, гуманности, справедливости и честности отношений между ее субъектами⁷.

Относительно высокую динамику современной демократической политики обеспечивают ее периодические переходы в сознании ее участников из «хорошего» (чаще всего в начале электорального цикла) в «плохое» (ближе к окончанию этого цикла) качество. Сознание граждан реагирует на возрастающую «несправедливость» политики, на «их», элит, безразличие к «нашим» нуждам, на трудности с нахождением смысла в политических инициативах и решениях, на сложности мобилизации на свою сторону единомышленников и групп поддержки, на агрессивную и не всегда умелую агитационно-пропагандистскую активность СМИ. У значительной части граждан в этой связи возникает вполне объяснимое желание прекратить сползание политики, ценности и институты которой они признают правильными и готовы их оберегать, в «плохое» измерение. Начинается борьба (в современных условиях с акцентом на применение средств массовой коммуникации) за превращение «плохой» политики в «хорошую», полезную и комфортную, позволяющую планировать светлое будущее свое и своих детей.

Устойчивая работа электоральных механизмов поддерживает в гражданах надежду, что эту задачу исправления политики можно решить легальными средствами. Решение, не всегда ожидаемое, часто компромиссное, обычно до-

стигается, и работа механизмов политики продолжается, нередко точно в том виде, в каком они работали прежде. Электоральное большинство приводит к власти тех представителей элит, кто, по его мнению, способен из «плохой» политики сделать «хорошую», не ломая жизнь общества и государства и не подвергая ее избыточным рискам.

В этом смысле устойчивое существование «хорошей» демократической политики (о необходимости которой и о правилах существования которой постоянно твердит политическая теория) невозможно без периодической утраты ею своего замечательного качества в глазах ее участников.

Существует в своем долгожданном «хорошем» состоянии политика, как правило, не долго. Граждане быстро разочаровываются в возможностях, которые формально она им предоставляет. Недоверие граждан нарастает прямо пропорционально активности властной элиты конвертировать «мандат доверия», выданный ей электоратом, в правовые нормы и управленческие решения, в которых, по мнению демократически избранных политиков и администраторов, наиболее полно воплощена их главная функция – служить «общему благу». Публичная демонстрация демократически избранными властными элитами своей приверженности «общему благу» им жизненно необходима. Только так они могут претендовать на возможность быть представителем интересов общества и осуществлять контроль общественной жизни.

В этом обычном подходе элит к легитимации своих властных компетенций кроется, как часто бывает, и источник проблем в ее коммуникациях с гражданским обществом и в устойчивости ее легитимности. У части граждан уверенность представителей властной элиты, что смысл их жизни в служении «общему благу», находит поддержку. Но идея «общего блага» изначально, а дальше все больше конфликтует с реальным положением дел, с наличием в современных гражданских обществах расколов по классовым, сословным, правовым, конфессиональным и этническим, идеологическим основаниям. Идея «общего блага» является постоянным вызовом специфической социокультурной идентичности людей и групп, составляющих эти гражданские общества. Чем больше властная элита трудится ради «общего блага», тем больше подозрений и негативных оценок эта ее активность вызывает у граждан, которые не видят в ней признаков политики, помогающей реализации их интересов или хотя бы сочувственно относящейся к их интересам.

Отражением роста сомнений электората в том, что данный стиль, цели и средства деятельности элиты соответствуют его интересам, является увеличение доли так называемых непопулярных решений в общем ряду тех инициатив,

которые выдвигает и реализует властная элита. «Непопулярное» решение может быть оправдано вполне рациональными соображениями. Невозможностью, например, для государства разом откликнуться на нужды и требования всех граждан и всех общественных групп, необходимостью маневрировать ресурсами в условиях их естественной либо вынужденной ограниченности. «Непопулярные» решения являются тем инструментом, применением которого элита пытается укрепить свою легитимность, стимулировать интерес граждан к своим инициативам, а результат получает чаще всего обратный.

Все эти рациональные мотивы, тем не менее, в глазах современных граждан – это проблемы государства. Оно, государство, как это записано в конституциях многих современных стран, включая РФ, добровольно объявило себя «социальным». Теоретический аспект этой «социальности» в этом случае не слишком интересен обыденному сознанию. Значит, как эту ситуацию интерпретирует сознание большинства граждан России и других стран, государство добровольно взяло на себя обязательства и ответственность за решение всех тех задач, которые жизненно важны для его граждан здесь и сейчас. Значит, за несоответствие своей политики, основанной на большом числе «непопулярных» решений, властная элита должна понести наказание от своего электората. Это выглядит парадоксально, но активное стремление элит стимулировать демократический процесс решениями, направленными на «общее благо», часто только усугубляет негативное отношение граждан к политике. Эта активность ускоряет разочарование граждан в их вере в то, что среди «общих интересов» найдется место «их интересам».

Рост числа решений, которые сознание граждан и элит атрибутирует как «непопулярные», – обычный симптом нарастания недовольства субъектов политики своими возможностями как-то повлиять на нее в своих интересах. Одновременно это атрибут нарастания общественной и элитарной потребности в том, чтобы предпринимать конкретные действия в направлении достижения взаимопонимания по конфликтным вопросам политики. Эти действия и коммуникации, связанные с ними, создают «эффект постоянного и целенаправленного движения» в современных либерально-демократических процессах, у которых пока нет на самом деле понятной всем участникам и привлекательной для них цели развития. Будущее мира без либерально-демократической политики рисуется сознанию экспертов и рядовых граждан чаще всего в мрачных тонах: не сохраним и не сделаем «хорошей» либеральную политику – и человеческая цивилизация не выживет либо одичает.

Постоянная борьба за превращение в массовом сознании «плохой» политики в «хорошую», как и обратный процесс, поддерживают работу

механизмов ротации элит у власти и внутриэлитарной селекции.

Изучение политики в режиме тиражирования элитой «непопулярных» политических решений требует уточнения вопроса о соотношении таких ее характеристик, как «хорошая/плохая» и «легитимная/нелегитимная». Политика может быть «легитимной», но при этом «плохой», т. е. не соответствующей представлениям граждан о «хорошей политике», накопившей в себе много взаимных претензий граждан и элит, но не в той мере, при которой граждане готовы отказаться от лояльности институтам и практикам демократической власти, от сотрудничества с властными элитами. «Плохая» политика имеет тенденцию к снижению своей легитимности, но какой-то ее долей обладает до своего конца (начала нового электорального цикла). В силу этого на очередных выборах становится возможным соперничество двух групп электората – тех, кто прежнюю политику считает «плохой», и тех, кто считает ее достаточно «хорошей, чтобы что-то в ней менять».

Другая теоретическая и одновременно прикладная задача, решение которой политологом может быть осуществлено с использованием понятий «хорошая политика» и «плохая политика», это задача выведения за границы политического дискурса и предметного поля политических исследований проблематики «эффективной политики» и самого этого понятия.

О том, как нынешней российской политике стать «эффективной», отечественные политологи за постсоветский период развития своей науки написали очень много статей, монографий и диссертаций. Часто термин «эффективная политика» присутствует в дискурсах известных российских политиков и общественных деятелей. В том и другом случае понятие «эффективная политика» представляет собой не более, чем метафору. К тому же метафору не вполне удачную с точки зрения точности передачи смысла тех реалий, которые за ней стоят. Быть «эффективной», в экономическом смысле, с точки зрения соотношения затрат и выгод политика не может в принципе. Она занимается решением таких задач, экономить на которых обществу и государству себе дороже. И на решение этих задач она, как правило, мобилизует ресурсы государства и общества столько, сколько удастся отмобилизовать.

Использование политологами понятия «эффективность» сопряжено в большинстве случаев с искажением его базового научного смысла. Если исходить из обычного для исследований политики контекста рассуждений о ее «эффективности», то становится понятным смысл того представления о свойствах политики, который исследователь закладывает в это ее определение. В политологическом смысле «эффективна» та политика, в которой все организовано и все работает так, что ею

довольны все ее участники. Эта политика по максимуму решает все их проблемы, не требуя при этом от них дополнительных вложений ресурсов и не создавая новых рисков. Это политика «для всех», в которой от проблемы до принятия решения и от решения до его реализации один шаг. Использование научного понятия, пусть даже в роли метафоры, налагает, тем не менее, на пользователя определенные обязательства. Он вынужден так или иначе, но приспособлять свое понимание и употребление этого понятия к тому смыслу своих представлений о политике, который намерен донести до публики.

Поиск в политике «эффективности» заставляет исследователя, возможно, даже против его воли, руководствоваться в своем диалоге с читателем идеей, что, предприняв определенные усилия по усовершенствованию ее механизмов, можно довести политику до состояния идеала, добиться того оптимального соотношения выгод и рисков, которое примирит с ней большинство ее участников, аннулирует их нынешние претензии к ней. Тогда по логике таких рассуждений получается, что, достигнув желаемой «эффективности», политический процесс должен остановиться? Или же, что тоже можно предположить на основании подобных рассуждений, есть возможность и дальше поднимать «эффективность» политики так, как обычно поднимается эффективность экономических предприятий – освоением новых ресурсов и внедрением новых технологий? Но ведь доверие современных обществ к либеральной политике, особенно после ухода с исторической сцены советской демократии, строится как раз на убеждении большинства ее участников в том, что другой политики, более «эффективной», чем она, просто не существует, да и искать ее не следует. А следует в полной мере пользоваться возможностями либеральной политики в том виде, в котором она существует сегодня в наиболее экономически развитых странах мира.

Понятия «плохая политика» и «хорошая политика» помогают снять эти противоречия. Для будущего политики, на наступление которого работают все граждане, и политологи в их числе, важно не то, каких формальных рубежей достигла работа ее механизмов с точки зрения экономических, административных и правовых показателей. Многих достижений политики люди склонны не замечать либо замечают их тогда, когда, как в случае с ностальгией многих отечественных политиков и политологов по имперской политике России, поезд, как говорится, ушел. Судьбу политики, нравится это кому-то или нет, решает то субъективное впечатление от соприкосновения людей с нею, которое в их сознании и в дискурсах их политических и повседневных коммуникаций отливается в две формулы: «так жить нельзя», и тогда политика «плохая», либо «так жить можно», и тогда политика «хорошая».

Примечания

- 1 См.: Корнилов В. Как Париж уже два года борется с «неправильными» протестами. URL: <https://news-front.info/2020/11/20/kak-parizh-uzhe-dva-goda-boretsya-s-nepravilnymi-protestami-vladimir-kornilov/> (дата обращения: 02.02.2021); Во Франции протестуют против закона о «глобальной безопасности». URL: <https://news-front.info/2020/11/18/vo-franczii-protestuyut-protiv-zakona-o-globalnoj-bezopasnosti/> (дата обращения: 02.02.2021); О массовых протестах в Германии. В субботу 29 августа 2020 г. около 2 миллионов немцев вышли на митинги протеста против политики правительства. URL: <https://rusidea.org/250957121> (дата обращения: 05.02.2021); Броска П. Италию превращают в страну с полной диктатурой. URL: <https://dailystorm.ru/vlast/italiyu-prevrashchayut-v-stranuis-polnoy-diktaturoy> (дата обращения: 05.02.2021); Всеобщая забастовка в Каталонии. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7016886> (дата обращения: 05.02.2021); Причины массовых беспорядков в США лежат глубже расизма в полиции. URL: <https://www.discred.ru/2020/05/29/prichiny-massovyh-besporyadkov-v-ssha-lezhat-glubzhe-rasizma-v-politsii/> (дата обращения: 06.02.2021); Социологи ожидают массовых протестов в РФ из-за роста недовольства граждан действиями власти. URL: <https://www.newsru.com/russia/05jun2020/predel.html> (дата обращения: 07.06.2020).
- 2 См.: Романова Г. С. Хроника доброго правления : язык и нравы // Ибероамериканские тетради. 2013. № 2 (2). С. 148–168; Дмитриева М. И. Образы власти в «Добром и дурном правлениях и их плодах» А. Лоренцетти и в городских хрониках Сиены XIV века // Современное научное знание : теория, методология, практика : сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. (Смоленск, 31 января 2018 г.) : в 2 ч. Смоленск : Международный научно-информационный центр «НаукоСфера», 2018. Ч. 1. С. 30–33; *Ее же*. Республика или синьория : Политические идеалы итальянской общественной мысли XIV века // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 7. СПб. : Алетейя, 2008. С. 98–116; Сопов А. В. Идеи «доброе правление» в творчестве итальянских гуманистов XIV–XV вв. Венецианцы, неоплатоники и другие // International Scientific Review. 2015. № 4(5). С. 56–59.
- 3 См.: Антонов М. В., Максимов С. И. Права человека, демократия, верховенство права и современные социальные вызовы в сложных обществах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 8–16; Беляков Г. С. Либеральная демократия как продолжение белой мировой революции. Концепция О. Шпенглера // Русская политология. 2019. № 3 (12). С. 97–102.
- 4 См.: В Европе демонстранты протестуют против жестких коронавирусных ограничений. 25 января 2021. URL: <https://yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/news/2021-01-25/400473-v-evrope-demonstranty-protestuyut-protiv-zhestkih-koronavirusnyh-ogranicheniy> (дата обращения: 07.02.2021); Страны ЕС одна за другой протестуют

- против карантинных мер. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2508760/> (дата обращения: 08.02.2021).
- ⁵ См.: *Самохвалов Н. А.* Концептуальный анализ системы социально-политических взглядов молодежи России на современном этапе // Актуальные проблемы современности : наука и общество. 2017. № 4 (17). С. 19–26.
- ⁶ См.: *Кудряшов К. В., Понделков А. В., Стельмах С. А.* Девальвация прав человека в современных странах Запада // Наука и образование : хозяйство и экономика ; предпринимательство ; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 136–138 ; *Овчинский В.* Американский протест – 2020. Попытка объективно разобраться. URL: https://zavtra.ru/blogs/amerikanskij_protest_-_2020 (дата обращения: 02.02.2021).
- ⁷ См.: *Солонников Д.* «Всё пошло не так» : ради чего протестуют в России и что будет дальше. 1 февраля 2021. URL: https://www.dp.ru/a/2021/02/01/Povod_ne_prichina (дата обращения: 06.02.2021).

Поступила в редакцию 10.02.2021, после рецензирования 17.02.2021, принята к публикации 24.02.2021
Received 10.02.2021, revised 17.02.2021, accepted 24.02.2021